

НЕЗРИМЫЙ БОЙ

Один мужик работает в нашем дворе подпольным реализатором самогонки. Ну насчет подполья я, наверное, загнул — мужик ни от кого не прячется. Каждое утро с толстой сумкой на ремне он спешит на помощь местным алкашам. А те, словно табун лошадей, прискакавших на водопой, ждут своей очереди, нетерпеливо постукивая копытцами, дабы припасть к источнику живительной влаги.

К вечеру толстая сумка на ремне уже и не толстая вовсе... С чувством исполненного долга реализатор самогонки идет домой.

А другой мужик работает в нашем дворе участковым милиционером. У него не служба — песня! Это про работу таких, как он, поют на праздничных концертах: «...и на первый взгляд как будто не видна». И на второй взгляд не видна, и на третий...

Я предполагаю: жильцы в упор не видят участкового, потому что он, замаскировавшись, сидит в засаде и ведет скрытое наблюдение за самогонщиком, собирая неопровержимые доказательства его незаконной деятельности. Как только он их соберет — так сразу хватать самогонщика за ж... в смысле — за жабры его преступные!

Вот только процедура формирования доказательной базы что-то затянулась. Лет десять, не меньше, блюститель порядка улики собирает. За этот период наш самогонщик мог уже пару раз на Колыме побывать за казенный счет или такие сумасшедшие штрафы в доход государства заплатить — мало не покажется!

Жильцы нашего двора в академиях на участковых не обучались, премудростей всяких разных, связанных с оперативно-розыскной деятельностью, не знают, но нутром чуют — что-то здесь не то!

«Подпольщик» закон нарушает? Нарушает. А почему его в таком случае не арестовывают? Обыски в его квартире не проводят? Зелье поганое, которым он народ охмуряет, не уничтожают? Сколько ж можно держать мужика в этой, как ее, оперативной разработке? Когда же в конце-то концов наш участковый-невидимка его за жабры схватит?

Вот что я по этому поводу думаю. Участковый проникся проблемами нашего самогонщика. Нет, вы меня неправильно поняли — я не о взятках, которые иногда и кое-где берут нижние милиционерские чины. Чего не видел — того не видел. Сами понимаете: дача взятки — процесс интимный. Меня лично не приглашали, чтобы свечку подержать, когда они купюры будут пересчитывать.

Тут скорее другое. Наш самогонщик — товарищ непьющий и, говорят, хороший семьянин. Все несет в дом. Все лучшее — детям! Своим детям. Поездки там

СУРРОГАТ

на курорт каждое лето — пожалуйста, жене помочь по хозяйству — не вопрос. Дети обуты-одеты, накормлены-напоены и т. д. и т. п. В общем, его бабе крупно повезло, что такой глава семьи достался.

Задумает участковый пресечь деятельность реализатора, но тут же и передумает. Посадить человека легко, а кто тогда деточек растить будет, жене по хозяйству помогать? Проникся участковый проблемами воспитания подрастающего поколения в отдельно взятой семье. Папа принимает активное участие в формировании будущих личностей в своей ячейке общества, решает, можно сказать, задачу государственной важности — а ты ему путевку в места, не столь отдаленные, выпишешь, лес валить и песню разучивать: «Солнце всходит и заходит»? Не по-людски как-то.

Вот и я тоже «проникся». Напишешь фельетончик о его тяжелой «подпольной» работе, назовешь фамилию, имя, отчество, а эта гнида, в смысле — наш реализатор, возьмет и огорчится. Того и гляди — в запой уйдет.

А детям каково придется? В школе педагоги, небось, думают, что папа их подопечных работает летчиком-испытателем, а тут выяснится — испытывает на желудках клиентов продукцию собственного производства. Позор? Не то слово.

Гуманисты мы, однако, с нашим участковым. Сверяем каждый шаг в своей работе аккуратно по Достоевскому: дабы не пролилась слезинка у ребенка из семьи самогонщика-испытателя.

А сколько слез проливают жены и дети тех, кого «обслуживает» самогонщик? Ой, об этом мы с нашим участковым как-то и не задумывались.

Живет в нашем дворе ветеран Великой Отечественной войны. То ли он Достоевского не читал, то ли злейшего врага в самогонщике разглядел. Как встретит его, так стыдить начинает.

— Что же ты, Сережа, делаешь? Совесть у тебя есть? Целый взвод здоровых мужиков уложил наповал без пулемета, жизнь им искалечил...

Наш «подпольщик» в ответ только ухмыляется. Уважит седины ветерана — сменит на время дислокацию, благо двор большой. Что толку спорить с дедом? Не объяснишь, что люди пьют его гадость из экономии — в магазине водочка ой какая дорогая! Да и потом, он же никому свою

самогонку насильно в глотку не заливает. Хочешь — пей, хочешь — не пей.

Наверное, читателю интересно узнать, о каком дворе идет речь? Да это все про ваш двор и написано! Ведь в какой ни зайди, практически везде есть свои сережи, васи, тети дуси, элеоноры ромуальдовны, которые гонят и продают, гонят и продают...

А участковые ведут с ними незримый бой. Насколько незримый, что мы с вами ни хрена не видим.

Впрочем, что только на участковых пенять? Мы сами, гордо именуя себя общественностью, проходим мимо вылезших из подполья обнаглевших от безнаказанности самогонщиков.

СОН В РУКУ

Самогонщик, по крайней мере, не скрывает от покупателей, какое пойло он им продает. Куда страшнее для людей, которым еще рано пить «Боржоми», деятельность «паленщиков», подделывающих продукцию под популярные марки водки. Паленку они

выпускают в подпольных цехах. Впрочем, «цех» — сильно сказано. Гараж, сарай или какое-либо скромное строение. Немного усилий и затрат — вот тебе левый водочный заводик (ЛВЗ) и готов.

Однажды мне приснилось, будто я присутствовал на открытии такого завода и взял интервью у его руководителя. Спешу рассказать о том, что увидел во сне. Впрочем, сотрудники ОБЭП такую картину часто видят и наяву. Так что сон, как говорится, в руку.

Представьте себе обыкновенный гараж. Вдоль стены ровными рядами выстроились пустые бутылки с этикетками, в ящике пробки, в канистрах — спиртосодержащая смесь.

— Мы не какие-то там доморощенные самогонщики, работаем с размахом, с розничными покупателями стараемся в контакт не вступать, — говорит мне директор ЛВЗ и продолжает: — Для нас важно наладить каналы сбыта через торговую сеть или систему общепита. К вашему сведению, я со-

вершил одно открытие, ноу-хау, если так можно выразиться. Мне за него государственная премия положена. Может, и получу, если раньше не посадят.

— Ой, а что это за ноу-хау такое? — интересуюсь. — Видишь, бутылка изпод водки? Читаем на этикетке: «Вода питьевая исправленная, спирт этиловый ректифицированный «Люкс», сахар, патока...». Ну и т. д. и т. п.

Мы заливаем в эту бутылочку нашу гадость, укупориваем, лепим акцизную марку, и все дела! Покупатель думает, что берет настоящую водку, а в натуре — чистойшая паленка.

— Ну и в чем суть вашего изобретения? И до вас были умельцы, которые паленую водку производили. — Ну ты тупой, однако! Этикетки клеить не надо — их за нас на настоящем водочном заводе наклеили. Дошло, наконец-то?

— А где же вы берете пустые бутылки с этикетками? — задаю вопрос собеседнику.

— Вообще, это коммер-

ческая тайна. Но поскольку тебе все снится — отвечу.

Берем в пунктах приема стеклотары. По нашей просьбе сборщик стеклопосуды, или «пушнина», как ее называют, требует от сдатчиков, чтобы бутылки изпод водки были с этикетками.

— Ну вы просто гений!
— Без тебя знаю.

— Последний вопрос. В настоящее время слишком много развелось таких гениев, как вы. Не боитесь, что вы лично или члены вашей семьи, купив такую вот идеальную подделку, окажетесь в больнице или на собственных похоронах?

— Ну ты меня в самое больное место бьешь! Как представлю, что мой великовозрастный балбес, моя кровинушка отравится продукцией нашего левого завода или конкурентов в каком-нибудь кафе на дискотеке — волосы дыбом становятся.

Слушай! Достал ты меня своими вопросами. Давай скорее просыпайся!

ЭПИТАФИЯ ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В прошлом году в нашей области возбуждено 65 уголовных дел по статье 238 УК РФ. Под эту статью подпадают и деяния «героев» моей статьи (прошу прощения за тавтологию). Увы, мои «герои» в основной своей массе не просто гуляют на свободе, но и продолжают работать не покладая рук.

65 уголовных дел — много это или мало?

— Мало! — сказал прокурор области С.Д. Воробьев на одном из совещаний и добавил: — В ряде районов области вообще не выявлено ни одного преступления данной категории... Представляется маловероятным, что в районах не производится и не реализуется опасная для жизни или здоровья алкогольная продукция, не гибнут от этого люди. Прокурорам необходимо разобраться в этих вопросах.

Я думаю, что не только прокурорам надо разобраться. Всем миром надо подняться в атаку на производителей суррогата. В 2004 году от отравлений паленым алкоголем и его суррогатами умерло 40 тысяч человек, в 2005 — почти 36 тысяч. Не знаю, сколько людей, выпив рюмку-другую паленой водки, отправились в последний путь в прошлом и позапрошлом годах.

В любом случае ежегодно в стране от преступной деятельности самогонщиков и «паленщиков» вымирает целый уездный город. Только представьте: вы идете по его улицам, а никого нет. Тишина, как на кладбище. В школах не звенит звонок, в детских садах не слышно многоголосья малышни.

Пусть и в загсе — ни обалдевших от счастья жениха с невестой, ни их родственников и друзей. Ни-ко-го! Горько? Горько...

Вячеслав КОЛДОМОВ.